

Амурские казаки в Китае: опыт сохранения традиций (1918—1945)

Владимир Анатольевич Пушкарёв,
старший преподаватель кафедры гуманитарных наук Амурской государственной медицинской академии, Благовещенск.
E-mail: amurhistory@yandex.ru

Статья посвящена проблеме адаптации амурского эмигрантского казачества в Китае. Рассматриваются особенности расселения амурских казаков и организации их культурно-бытового уклада за рубежом в 1920—1940-х гг. Особое внимание уделено отдельным человеческим судьбам. Изученный материал позволяет сделать вывод, что в условиях изгнания амурским казакам-эмигрантам удалось сохранить свою культурную самобытность.

Ключевые слова: дальневосточная эмиграция, Китай, амурское казачество, зарубежные станицы, казачьи союзы.

Amur Cossacks in China: experience to maintain the traditions (1918—1945).

Vladimir Pushkarev, Senior Lecturer, Department of Humanities of Amur State Medical Academy, Blagoveshchensk.

The publication is devoted to the adaptation of the Amur emigrant Cossacks in China. It considers the features of the Amur Cossacks settling and the formation of their cultural and community lifestyle abroad in 1920—1940's. The particular attention is paid to the individual destinies. The material studied leads to the conclusion that the Amur emigrant Cossacks have managed to maintain their cultural individuality in terms of exile.

Key words: the far-eastern emigration, China, Amur Cossacks, foreign villages, the Cossack associations.

Революционные события 1917 года и Гражданская война положили конец историческому казачеству — уникальному военно-земледельческому сословию царской России.

Традиционно основой жизни казака было служение отечеству. Как справедливо отмечает исследователь дальневосточного казачества А.И. Коваленко, патриотическая идея несла в себе несколько значений. Во-первых, в ней реализовывалась охранная функция казаков, призванных стеречь рубежи империи. Во-вторых, конкретным воплощением патриотической идеи был массовый героизм казаков, участвовавших в многочисленных войнах и походах. В-третьих, казачья служба получала харизматическую окраску в клятве на верность царю и отечеству. В-четвёртых, казачий патриотизм формировался

неразрывно с чувством хозяина своей земли, потребностью в обеспечении её безопасности, защиты семьи [13, с. 187].

В 1917 г. эта некогда крепкая платформа рухнула. В последовавшие десятилетия бывшее казачье население СССР было физически уничтожено или слилось с крестьянской массой. Отдельной части казаков, напротив, удалось сохранить свою культурную самобытность, но за это они заплатили утратой родины. Многотысячное российское казачество оказалось рассеянным по всему миру: от Канады до Филиппинских о-вов.

История жизни этого сословия в зарубежье получила достаточное освещение в историографии. В данной статье предпринята попытка по-новому рассмотреть проблему через роль отдельных личностей (прежде всего из числа казачьей элиты) в процессе адаптации к чужеродной социальной среде (или иной культуре), организации повседневной жизни на основе сохранения традиций.

На Дальнем Востоке начало эмиграции положили амурские казаки. Впервые их массовый исход на китайский берег Амура состоялся весной 1918 г. после провала Гамовского мятежа и первого провозглашения в Амурской области советской власти. Через полгода, с изменением политической обстановки на Дальнем Востоке, большинство эмигрантов вернулось на родину.

Однако уже в начале 1920 г. белое движение в Приамурье потерпело новый крах. Тогда с «красного острова» в заречную Маньчжурию ушли практически все офицеры, а также рядовые казаки, не принявшие советскую власть. Центром их пребывания, как и двумя годами раньше, стал город Сахалин, расположенный вблизи Благовещенска.

В частности, здесь оказался известный всему войску *Родион Семёнович Иванов* (1866 — после 1920 г.). Благодаря административным способностям и общественной активности он прошёл путь от рядового казака до члена войскового правления. Кроме того, он был автором «Краткой истории Амурского казачьего войска», изданной в 1912 г. как учебное пособие для казачьих школ.

С началом Первой мировой войны Р.С. Иванов ушёл на фронт помощником командира 1-го Амурского полка по хозяйственной части. Осенью 1917 г. под Петроградом казаки отстранили от службы почти всех офицеров, но Родион Семёнович благодаря поддержке станичников был избран временным командиром и обеспечил возвращение полка в Благовещенск. В 1918—1919 гг. полковник Р.С. Иванов был членом войскового правления при атамане Гамове.

По воспоминаниям верхнеблаговещенских станичников, Родион Иванов был одним из немногих амурских офицеров, которых казаки воспринимали как «своих». Его называли «наш Родя» и готовы были служить под его началом в любых обстоятельствах. Весной 1920 г. с уста-

новлением в Приамурье советской власти Иванов намеревался остаться в Благовещенске, но (по местной легенде) жена с дочерьми, крепко подпоив полковника, вывезли его в Сахалин, где он и умер через несколько лет [3, с. 172—173].

Ещё одна колония эмигрантов сформировалась ниже по течению Амура, напротив посёлка Димского Поярковского станичного округа, в селении Чикадэ. В 1920-е гг. численность её колебалась в пределах 200 чел. Многие казаки мелкими группами проживали в других китайских селениях вблизи своих хуторов и станиц.

Вслед за Амурской областью осенью 1922 г. пало и белое Приморье — последний оплот антисоветских сил. Поэтому ещё одна партия амурских казаков прибыла в Китай морским путём в составе дальневосточной казачьей группы генерала Ф.Л. Глебова. Большая их часть осталась в Шанхае и его окрестностях.

В шанхайской эмиграции оказался сын 1-го Амурского полка *Владимир Владимирович Резунов* (1897—1959). В младенчестве он лишился матери, а во время подавления ихэтуаньского восстания в Китае был убит его отец. Оставшись круглым сиротой, В.В. Резунов рос и воспитывался в семьях сослуживцев отца Р.А. Вертопрахова и А.Д. Кузнецова. В результате несчастного случая ребёнок потерял глаз, поэтому был вынужден отказать от военной карьеры.

Полк и родное войско материально поддерживали мальчика, В.В. Резунов окончил гимназию в Благовещенске и стал студентом-медиком Харьковского университета. Но завершить курс до революции 1917 г. не успел, возвратился на Амур и, несмотря на физический недостаток, в 1919 г. окончил Хабаровское военное училище. Хорунжий В.В. Резунов воевал в Приморье, оттуда через Корею перебрался в Шанхай, где несколько лет служил в английской фирме. После 1945 г. отправился на остров Тубубао и дальше в Австралию. Умер Резунов 4 августа 1959 г. от раковой опухоли в мозгу и был погребён в Сиднее [12, с. 23].

В 1924 г. в Амурской области вспыхнуло крупное крестьянско-казачье восстание, вызванное налоговой политикой большевиков. Его подавление привело к пополнению эмиграции в приграничье. В отличие от беженцев 1920 г., в основном офицеров и станичной верхушки, теперь в Китай уходили семьи рядовых казаков [1, с. 155, 159—160].

Бегство амурцев в Маньчжурию продолжалось и позднее, особенно в 1931—1932 гг. — в разгар коллективизации. Так, в январе 1931 г. в районе Сахалина перешли границу 310 амурских крестьян. Однако не всем удавалось найти убежище в Китае. В 1932 г. около 80 казаков, бежавших из села Константиновка Амурской области, попали в руки генерала Ма и были возвращены в СССР [2, с. 179].

После советско-китайского конфликта 1929 г. в Советском Союзе был ужесточён пограничный режим, поэтому массовая эмиграция стала

невозможной. Теперь только отдельные смельчаки пытались пересечь границу, как правило, безуспешно.

Итак, амурская казачья эмиграция имела волновой характер и зависела от конкретных политических шагов советской власти. Можно выделить несколько таких волн: март 1918 г. — разгром контрреволюционных сил Гамова; февраль 1920 г. — восстановление советской власти в Амурской области; октябрь 1922 г. — крах белого Приморья; январь 1924 г. — подавление Зазейского восстания; 1931—1932 гг. — коллективизация амурской деревни.

Как правило, казаки долго не засиживались в маньчжурском Приамурье и перебирались в другие районы Китая, прежде всего — на линию КВЖД и в Харбин. Вероятно, им тяжело было находиться вблизи родных селений, не имея возможности их посетить. К началу 1930-х гг. на правобережье Амура оставалось всего около 500 русских беженцев [ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 218. Л. 1].

Место и характер расселения казаков за границей определялись главным образом стремлением найти работу, улучшить материальные условия и возродить традиционный быт. Главная масса беженцев, в большинстве своём рядовые казаки, селилась в приграничных районах и по линии КВЖД на лесных и других концессиях.

Попытки воссоздания традиционного уклада жизни предпринимались казаками-эмигрантами в разных странах, однако для этого требовались определённые условия, близкие по сути тем, в которых развивалось казачество на землях родины. Такие условия существовали в отдельных районах Китая. Обширные приграничные территории, на которых поселились казаки, пустовали и нуждались в интенсивном заселении и хозяйственном освоении. Таким образом, казаки-эмигранты в Китае смогли реализовать те задачи, которые исторически им уже приходилось решать в своём отечестве [16, с. 154].

Земледелие играло важнейшую роль в жизни эмигрантов. Обустроив своё хозяйство, некоторые из них со временем переходили к товарному производству сельскохозяйственной продукции. Казаки успешно занимались разведением племенного скота, садоводством и виноделием, промысловой охотой и рыболовством, маслоделием и мукомольным производством. В их ведении были переработка кожи и шерсти, лесозаготовительная и лесоперерабатывающая промышленность, пошив обуви и одежды, извозный промысел и торговля [19, с. 112].

В городах, где в основном осели офицерство и интеллигенция, можно было встретить казаков, имеющих самые разные занятия. Одни служили в конторах, торговых предприятиях, магазинах, иные подрабатывали случайной подёнщиной и уроками. Кроме того, станичники устраивались сторожами, шофёрами, трудились в механических мастерских, служили в китайской армии [11, с. 52].

Среди казачьей эмиграции встречались даже журналисты, юристы, инженеры и врачи. Яркий пример — братья Илья, Константин и Василий Кореневы. Дети зажиточного амурского казака Поярковской станицы Симона Тимофеевича Коренева, все трое до революции получили хорошее профессиональное образование.

Илья Симонович Коренев (1883 — ?) имел профессию горного инженера. В 1921 г. работал главным управляющим предприятиями Л.С. Скидельского в Приморье. В Китае И.С. Коренев устроился служащим главной конторы Мулинского углепромышленного товарищества [18, с. 165]. Здесь же трудились его сын и младший брат.

Константин Симонович Коренев (1888 — ?) окончил медицинский факультет университета св. Владимира в Киеве. Во время Первой мировой войны служил военным врачом на фронте, в 1919 г. вернулся в Амурскую область, где был земским врачом 4-го участка Амурского казачьего войска (АКВ). В Харбине К.С. Коренев продолжил врачебную практику, кроме того, читал лекции по медицине и занимался общественной деятельностью [ГАХК. Ф. 830. Оп. 3, Д. 22630. Л. 1—2].

Василий Симонович Коренев (1894—1971) получил образование в Московском землемерном училище и Оренбургском военном училище. В 1917 г. находился в частях Дутова, участвовал в походе на Бузулук и отходе на Уральск, а в 1918—1920 гг. воевал в Приамурье. По приезду в Харбин В.С. Коренев некоторое время существовал на случайные заработки. Затем служил в фирме Скидельского на изысканиях железной дороги, в строительной конторе «Чжуй Кун-сы», в главной конторе Мулинского углепромышленного товарищества [ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 22605. Л. 1—7]. Кроме того, Василий Коренев имел способности к литературе, был автором многих опубликованных очерков и рассказов. Как сказано в некрологе о нем, «писал исключительно чтобы увековечить прекрасное прошлое дореволюционной России и возбудить к нему интерес молодого поколения. Писал он искренне, точно, без высоких слов и выспренних выражений. Чувствовалось, насколько дороги были его сердцу великие российские воды, леса, просторы и населявшие их сильные духом люди» [18, с. 165].

Как и многие другие эмигранты, с окончанием Второй мировой войны братья Кореневы уехали из Китая. Илья нашёл приют в австралийском Сиднее, а Василий отправился в Сан-Франциско, где работал техником. Константин Коренев перебрался в США ещё в 1940 г.

Помимо амурцев в дальневосточном зарубежье оказались представители всех казачьих войск России. Особенно много было забайкальцев и уссурийцев, уральских, сибирских и оренбургских казаков.

В силу исторических обстоятельств казачество отличалось особым положением в российской диаспоре, являлось наиболее организованной её частью. Краткая казачья эмигрантская памятка гласила: «Держись своих

привычных сообществ, своего войска, своих станиц, общеказачьего единения (вернее не попадёшь в широкие провокационные сети), будь казаком и на чужбине» [15, с. 7]. Казаки не растворялись в массе русских эмигрантов, а проживали, как правило, обособленно в зарубежных казачьих станицах, объединялись вокруг своих станичных и войсковых атаманов.

В числе первых зарубежных казачьих объединений была Амурская станица в Харбине, образованная в 1924 г. Она возникла благодаря инициативе группы офицеров и казаков Амурского казачьего войска (АКВ) во главе с генералом Е.Г. Сычёвым и почётным казаком И.М. Гамовым.

Первым станичным атаманом единогласно был избран бывший депутат Государственной думы и войсковой атаман АКВ *Иван Михайлович Гамов* (1887—1969). Покинув Россию, он оставил активную анти-советскую деятельность и вернулся к своей изначальной профессии: в 1920—1945 гг. работал учителем и заведующим в русских школах Маньчжурии. Эмигрантскую участь с Иваном Михайловичем разделили его жена Мавра Георгиевна, также работавшая учительницей, и сын Константин (1914 г. р.). В Благовещенске у бывшего атамана остались родные братья Лев и Михаил, связь с которыми была утрачена в 1920 г. По данным МГБ СССР, в 1946 г. И.М. Гамов принял советское гражданство, однако на Родину не вернулся. Проживал на ст. Вэйшахэ, где занимался пчеловодством [1, с. 202—203]. По некоторым сведениям, позже он эмигрировал в Европу и скончался в швейцарском городе Зашельн [18, с. 84].

В 1928—1932 гг. Амурскую казачью станицу в Харбине возглавлял *Роман Андреевич Вертопрахов* (1871—1935). Первый Георгиевский кавалер в войске, автор «Памятки амурского казака», участник китайского похода, японской кампании, Первой мировой и Гражданской войн, генерал-майор Вертопрахов пользовался непререкаемым авторитетом и уважением среди амурских казаков. В 1914—1918 гг. он командовал 2-м Амурским казачьим полком, в Благовещенске руководил так называемым «гамовским мятежом», а в 1922 г. представлял Амурскую военную организацию во Владивостоке при правительстве Меркуловых. В Харбине Р.А. Вертопрахов вёл активную общественно-политическую деятельность. Однако после того как Маньчжурия была оккупирована японцами, переехал в Шанхай, где и умер в октябре 1935 г. [4, с. 201—202].

В 1932 г. станичным атаманом был избран старый казак Ф.П. Алексеев; в 1936 г. — бывший нерчинский мещанин, приписавшийся к войску, А.Н. Лазарев; в 1940 г. — участник Первой мировой и Гражданской войн войсковой старшина А.П. Карякин [ГАХК. Ф. 829. Оп. 1. Д. 18. Л. 2].

В 1941 г. станицу возглавил полковник *Николай Максимович Шалыгин* (1889 — после 1947), участник Первой мировой и Гражданской войн. В 1919—1920 гг. командовал Амурским казачьим полком, одновременно являясь товарищем войскового атамана. В Харбине служил в гимназии

им. Ф.М. Достоевского. В 1945 г. был вывезен в СССР, а в 1947 г. в г. Тавде арестован отделом контрразведки Уральского военного округа. Дальнейшая судьба Н.М. Шалыгина неизвестна [4, с. 326—327].

Помимо названных выше имён в эмиграции оказались бывшие члены войскового правления, полковники С.А. Мунгалов и Г.С. Толстокулаков, войсковой старшина Б.П. Воробей. Эти и многие другие офицеры-эмигранты некогда составляли костяк Амурского казачьего войска.

По данным на декабрь 1942 г., в Амурской казачьей станице числилось 2 генерала, 6 штаб-офицеров, 17 обер-офицеров, 4 военных чиновника, 58 вахмистров, урядников и рядовых казаков, 54 женщины и 18 детей (всего 159 чел.) [ГАХК. Ф. 829. Оп. 1. Д. 23. Л. 4].

Казаки-амурцы, состоявшие в харбинской станице, представляли почти все станичные округа Амурского казачьего войска. Особенно выделялся Николаевский округ, давший наибольшее количество эмигрантов — участников Зазейского восстания [1, с. 163—164].

Помимо Харбина, центром концентрации эмигрантского казачества стал Шанхай. В 1920-е гг. здесь также возникли станицы. Всего их насчитывалось восемь. 2 апреля 1925 г. состоялось собрание амурских казаков, постановившее образовать в Шанхае собственную станицу, «которую наименовать в честь шефа нашего войска доброй памяти графа Муравьёва-Амурского». Станичным атаманом единогласно был избран есаул В.В. Сараев [ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 11. Л. 1]. Известно, что этот уроженец Екатерино-Никольской станицы в годы Гражданской войны командовал Енисейской казачьей бригадой, участвовал в боях против красных партизан Щетинкина [18, с. 267].

Первоначально численность станицы не превышала 20 чел., однако в дальнейшем она поступательно увеличивалась. Отчасти этому способствовало постановление станичного схода: «всех казаков-амурцев принимать в свою станицу, хотя бы они находились и в других городах Китая». Единственным ограничением был запрет исповедовать большевистские идеи. 1 июля 1925 г. в станице числилось уже 40 чел., включая женщин и детей [ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 11. Л. 1, 12а, 24—27].

К сожалению, о шанхайской станице им. Н.Н. Муравьёва-Амурского сохранилось значительно меньше сведений, чем об аналогичном объединении в Харбине. Тем не менее, материалы, находящиеся в нашем распоряжении, позволяют сделать вывод о высоком уровне самоорганизации амурцев в Шанхае. Тем более что в 1930-е гг. шанхайская станица пополнилась выходцами из Харбина. В это время японцы установили тотальный контроль над российской диаспорой в Маньчжурии, поэтому многие харбинцы переезжали в другие регионы Китая, прежде всего в более вольный Шанхай.

В их числе был уроженец Игнашинской станицы генерал *Ефим Георгиевич Сычёв* (1879 — ?). Его боевой путь начался с русско-китайского

военного конфликта, где Ефим Георгиевич отличился в бою под Колушанами. Затем были русско-японская и Первая мировая войны. Ратные подвиги Сычёва отмечены шестью боевыми орденами и золотым георгиевским оружием.

В марте 1917 г., по мнению Врангеля, генерал проявил чрезмерный демократизм в отношениях с подчинёнными, в результате чего его отстранили от командования 1-м Амурским полком. Амурские станичники, напротив, обвиняли Е.Г. Сычёва в чрезмерной жестокости и деспотизме. 4-й войсковой круг (январь 1918 г.) даже постановил исключить его из Амурского казачьего войска и привлечь к судебной ответственности по месту нынешней службы.

В это время Ефим Георгиевич воевал против красных в Забайкалье и даже исполнял должность войскового атамана Забайкальского казачьего войска (ЗКВ). Возможно, здесь лежат истоки его будущего конфликта с Г.М. Семёновым, взявшим тогда власть в Забайкальской области. Также Сычёв был командующим Иркутским военным районом и последним комендантом Иркутска при правительстве Колчака.

В Приамурье генерал вернулся в 1920 г. после установления в этом районе советской власти и стал лидером амурской эмиграции. Вплоть до середины 1930-х гг. с именем Е.Г. Сычёва связывали причастность казачества ко всем антисоветским акциям в приграничье. Родство с белым генералом послужило поводом для расстрела его братьев Георгия и Конона, а также членов их семей.

В эмигрантских кругах Маньчжурии Е.Г. Сычёв являлся значительной фигурой. В 1933 г. возглавил Восточный казачий союз и стал редактором авторитетного издания «Россия и казачество». Однако неприятие агрессивной политики Японии и разногласия с её ставленником атаманом Г.М. Семёновым стали причиной ликвидации союза и выдворения Сычёва из Харбина.

Активную общественно-политическую деятельность опальный генерал продолжил в Шанхае, где был приветливо встречен местной русской диаспорой. Ефим Георгиевич искренно желал своей родине избавления от немецких оккупантов, поэтому принял предложение стать обозревателем советской радиостанции «Голос России». Предполагается, что умер Е.Г. Сычёв в Шанхае в 1945 г., но документальных свидетельств об этом нет [1, с. 206—220].

Зарубежные станицы в Китае формировались не только по войсковому принципу, они могли включать представителей разных войск. Так, например, на 1 января 1940 г. в общеказачьей станице на станции Ханьданчзы числилось 153 чел., из них — 21 амурец. Причём 14 — с фамилией Руденко [ГАХК. Ф. 829. Оп. 1. Д. 11. Л. 42—45 об].

В конце 1944 г. в связи с растущей безработицей в Северо-Восточном Китае началось организованное переселение эмигрантов, желаю-

щих заниматься сельским хозяйством, в Тоогенский район провинции Синьцзин. Здесь были основаны три станицы: Петропавловская, Ново-Покровская и Воскресенская. В апреле 1945 г. в них проживало 673 переселенца — 302 семьи, из них 53 казахи. Наибольшее представительство имели амурские казаки — 15 семей (по данным декабря 1944 г.) [14, с. 190—191].

Возрождение станиц и посёлков на чужбине способствовало дальнейшей консолидации казачества, рассеянного по всей планете, в формате союзов. Это были крупные объединения, включавшие основную массу казаков определённого региона, страны пребывания или даже нескольких стран. Союзы объединяли казаков из разных войск, независимо от их политических симпатий и пристрастий. Руководство, как правило, находилось в руках авторитетных лидеров казахьей эмиграции, которые пользовались поддержкой местных властей.

Первоначально казахьи станицы в Маньчжурии входили в состав Восточного казахьего союза (ВКС). Активную работу в правлении ВКС вели амурские казаки: доктор К.С. Коренев, генерал-майор Р.А. Вертопрахов и генерал-лейтенант Е.Г. Сычёв. Однако в 1935 г. под нажимом Японской военной миссии ВКС был закрыт [1, с. 115—117].

Казахьи станицы в Маньчжурии перешли под юрисдикцию семёновского Союза казаков на Дальнем Востоке (СКДВ). С 1937 г. уже все казаки дальневосточного зарубежья независимо от желания обязаны были состоять в СКДВ [10, с. 186].

На 1 декабря 1938 г. в Союзе насчитывалось 27 станиц, из них 3 на территории Северного Китая и 24 на территории Маньчжурии. Из маньчжурских 9 находились в Харбине, а 15 были разбросаны по всей линии КВЖД [17, с. V—VI]. В состав Союза входили преимущественно казаки Забайкальского, Амурского и Уссурийского войск.

В «Справочнике-списке руководящего и рядового состава — членов белогвардейского „Союза казаков на Дальнем Востоке“...», изданном архивным отделом УМВД по Хабаровскому краю в 1950 г., числится 7175 фамилий [17, с. 326]. По более поздним подсчётам хабаровских исследователей, к концу 1930-х гг. в Союзе состояло более 20 тыс. чел., включая женщин и детей [9, с. 81].

В Шанхае тоже существовал казахий союз, образованный в апреле 1925 г. Основу Казахьего союза в Шанхае (КСШ) составили станицы города и его окрестностей. В числе учредителей был атаман амурской станицы есаул В.В. Сараев [ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 2. Л. 6].

В 1934 г. при союзе был образован совет казахьих старейшин. Он был призван заниматься урегулированием вопросов, касающихся казаков, проживавших вне Шанхая. В совет вошли уважаемые в казахьей среде командиры, в том числе последний войсковой атаман Амурского казахьего войска полковник А.Д. Кузнецов [6, с. 394—395].

Данные о численности КСШ весьма противоречивы: от 118 членов в середине 1920-х гг. до 1 тыс. чел. в середине 1930-х гг. Следует учесть, что состав союза не был постоянным на протяжении всей его деятельности [5, с. 141, 143].

Итак, после первых лет тяжёлой адаптации основной массе дальневосточного казачества удалось найти собственное место по ту сторону Амура, во многом благодаря усердию и организованности. При этом, оказавшись в чужой стране, казаки стремились не только улучшить своё материальное положение. Вдали от родных областей остро стоял вопрос сохранения национальной самобытности.

В Шанхае эту функцию выполнял «Казачий дом» (клуб), официально открытый в сентябре 1929 г. Он одновременно являлся административным центром и местом проведения культурно-просветительных мероприятий. При клубе работали школа и летняя площадка для казачат, небольшая библиотека и даже кинематограф [6, с. 394; 5, с. 143].

О взаимовыручке в среде амурского казачества в Шанхае свидетельствует такой пример: сотник В.И. Рухлядев, работавший секретарём правления Комитета защиты прав и интересов русских беженцев, пользуясь служебным положением, сумел устроить 28 амурцев на пароходы. Разгрузкой и погрузкой судов также занималась трудовая артель при шанхайской станице, организованная есаулом В.В. Сараевым [ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 11. Л. 105, 115].

Амурская казачья станица в Харбине добывала паспорта новым казачкам-эмигрантам, по возможности оказывала им материальную помощь, устраивала их на службу или работу, помогала бедным учить детей в школе. Именно Амурской казачьей станице принадлежала инициатива устройства в Харбине казачьих вечеров, которые приносили небольшие деньги. Первый такой вечер состоялся в 1932 г. [ГАХК. Ф. 829. Оп. 1. Д. 18. Л. 2 об].

Большую роль в деле изыскания средств играли Дамские кружки, образованные по инициативе женщин-казачек и имевшиеся во многих эмигрантских станицах. Кружки, возглавляемые, как правило, жёнами станичных атаманов, успешно совмещали благотворительность с просветительской деятельностью. Большой популярностью пользовались собрания, называемые «Чашка чая», цель которых состояла в формировании собственных фондов. Систематически устраивались вечера с патриотической концертной программой. Характеризуя деятельность центральной женской организации, Е.Г. Сычёв писал: «Дамский кружок с самого начала нашей работы внёс в сухую атмосферу мужской деятельности Союза какую-то особую сердечную теплоту, осветил нашу тяжёлую работу искрой горячего женского участия» [15, с. 25].

Женщины составляли значительную долю в казачьем зарубежье, потому что обычно эмигрировали семьями. Так, список казаков харбинской

Амурской станицы в 1937 г. включал 160 чел., среди которых было только 12 несемейных [ГАКХ. Ф. 829. Оп. 1. Д. 5, Л. 9—17]. На казачек легла забота о воссоздании в зарубежье прежнего хозяйственного уклада, сохранении семейных традиций и духовности. Именно женщины в казачьей семье всегда были наиболее последовательными носителями православной культуры.

Православная церковь, к слову, стала для эмигрантского казачества главным центром духовного единения. Казаки приходили в храм для того, чтобы окунуться в атмосферу России и вспомнить родные станицы. После крушения политических, экономических и других объединяющих основ лишь православие определяло их мировосприятие. Там, где церкви отсутствовали, всё же регулярно справлялись престольные праздники и проходили службы в честь святых, почитаемых как небесных покровителей этих селений [16, с. 159].

Широкий размах у казаков-эмигрантов получило издательское дело. Печать была органом просвещения, средством коммуникации для беженцев, а также основным источником информации о событиях, происходящих на родине и в остальном мире.

Амурские казаки стояли у истоков казачьей периодической печати в китайском зарубежье. Хотя справедливости ради следует заметить, что первой однодневной казачьей газетой, появившейся в Маньчжурии, был «Сибирский казак» (19 декабря 1929). Но уже следующими по времени выхода были три однодневные газеты, выпущенные Амурской казачьей станицей в Харбине под заголовком «Амурский казак» (№ 1 от 30 марта 1932, № 2 от 19 июня 1932, № 3 от 30 марта 1933). Ответственным редактором был Е.Г. Сычёв [7, с. 127]. Также он редактировал журнал «Россия и казачество», отражавший интересы Восточного казачьего союза.

Кроме того, периодически выходили издания, посвящённые трём дальневосточным войскам: Амурскому, Уссурийскому и Забайкальскому. Среди них были «Дальневосточный казак», «Дальневосточное казачество», «Жёлтый лампас».

Всего же в дальневосточной эмиграции казаками было издано несколько десятков газет, журналов и книг. Почти все зарубежные казачьи издания, а также около 3 тыс. томов по истории казачества и военного содержания были сосредоточены в библиотеке «Казачьего дома» в Харбине. О степени читательского интереса свидетельствует тот факт, что в отдельные дни библиотека не могла вместить всех посетителей. Помимо этого еженедельно в помещении Союза делались доклады по истории казачьих войск [11, с. 55].

Так, например, 27 марта 1939 г. Л.Л. Черных представил в союзе «Краткую историю Амурского казачьего войска», а 28 марта 1940 г. Е.И. Шестаков выступал с докладом «Колонизация Амура и военная страница амурских казаков». Существовала и обратная практика, когда докладчики отправлялись в войсковые станицы. Так, 22 марта 1939 г. на сходе Амурской

станции казаки слушали и обсуждали доклад И.Д. Законова «Царская власть есть Божеское установление или человеческое» [7, с. 143—144].

Большое значение уделялось воспитанию подрастающего поколения. В станицах казачат обучали верховой езде, стрельбе и джигитовке. Каждое воскресенье при СКДВ проходили занятия «Казачьей смены» — ребята в возрасте 8—14 лет. Здесь они проходили строевую подготовку, занимались гимнастикой, изучали историю казачьих войск, знакомились с делами и подвигами великих русских людей [11, с. 55]. По данным 1937 г., обучение в «Казачьей смене» проходило 80 казачат, из них 9 амурцев [ГАХК. Ф. 829. Оп. 1. Д. 7. Л. 126].

В феврале 1934 г. при СКДВ был организован кружок молодёжи, который вскоре развернулся в Молодую станицу имени атамана Семёнова. Её составили более 70 молодых казаков из разных войск. В дальнейшем численность станицы увеличивалась, расширялась и сфера деятельности. Кроме учебной команды были организованы кружки по изучению японского языка, по истории войск, спортивный, шахматный, литературный и театральные [8, с. 30; 11, с. 55]. С 1940 г. молодёжную станицу возглавлял амурский есаул В.С. Корнев, служивший до этого товарищем атамана Амурской станицы в Харбине.

История казачьих станиц в Китае обрывается в 1945 г. после окончания Второй мировой войны. С приходом советских войск на территорию Маньчжурии все эмигрантские организации закрылись, а их члены либо были репатриированы в СССР, либо выехали в США и Австралию. Ввод советских войск и начало репрессивной политики стали толчком к последней волне эмиграции — теперь уже за пределы Китая.

До этого печального финала в течение двух десятилетий зарубежные амурские станицы выполняли такие важные функции, как сохранение казачьей культуры и войсковых традиций, благотворительная деятельность и взаимовыручка станичников, просвещение и патриотическое воспитание молодого поколения.

Во многом организованность казачьей эмиграции является заслугой войсковой элиты: бывших атаманов, членов войскового правления, командиров и старших офицеров. Именно они были инициаторами создания эмигрантских станиц и казачьих союзов, осуществляли текущее управление ими, отстаивали казачьи интересы перед местными властями, активно занимались общественной деятельностью. Хотя иногда эта активность вырождалась в борьбу амбиций между отдельными атаманами, что не способствовало консолидации казачества.

Тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что вдали от родной земли в условиях чуждой этноконфессиональной среды войсковые станицы и казачьи союзы, управляемые авторитетными лидерами, позволяли поддерживать культурную казачью самобытность. Однако о естественном её воспроизведении уже не могло быть речи, так как казаки утратили основу своего исторического бытия — служение отечеству.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Абеленцев В.Н. Амурское казачество XIX—XX вв.: сб. статей и публикаций. Благовещенск: Амурск. обл. краевед. музей им. Г.С. Новикова-Даурского, 2004. 258 с.
2. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае. М.: ИД «Русская панорама», 2004. 432 с.
3. Амурские казаки. Приамурье. Из века в век: Материалы, док., свидетельства, воспоминания. Т. 1. Благовещенск: ОАО «Амурская ярмарка», 2008. 288 с.
4. Амурские казаки. Приамурье. Из века в век: Материалы, док., свидетельства, воспоминания. Т. 2. Благовещенск: ОАО «Амурская ярмарка», 2008. 344 с.
5. Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае (1920—1950). Хабаровск: Частная коллекция, 2008. 268 с.
6. Ван Чжичэн История русской эмиграции в Шанхае / пер. с кит. М.: Русский путь, 2008. 576 с.
7. Вестник казачьей выставки в Харбине 1943 г.: сб. статей о казаках и казачестве. Харбин, 1943. 202 с.
8. Дальневосточный казак. 1934. Март.
9. Дубинина Н.И., Ципкин Ю.Н. Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции (На материалах Харбинского комитета помощи русским беженцам) // Отечественная история. 1996. № 1. С. 70—84.
10. История казачества Азиатской России. Т. 3. XX век. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 270 с.
11. Казачий клич. 1938.
12. Казачий словарь-справочник. Т. 3. М., 1992.
13. Коваленко А.И. Культура казачества восточных окраин России (XVII — начало XX вв.). Благовещенск: ОАО «Амурская ярмарка», 2008. 208 с.
14. Лазарева С.И. Мероприятия БРЭМ по улучшению экономического положения казаков-эмигрантов в Маньчжурии // Казачество Дальнего Востока России в XVII—XXI вв.: сб. науч. ст. Вып. 3. Хабаровск, 2011. С. 185—192.
15. Россия и казачество. 1933. Окт.
16. Сергеев О.И. Жизнь казачества в условиях зарубежья (Китай): опыт сохранения традиций // Казачество Дальнего Востока России во второй половине XIX—XX вв.: сб. науч. ст. Хабаровск, 2006. С. 150—160.
17. Справочник-список руководящего и рядового состава членов белогвардейского «Союза Казаков на Дальнем Востоке», — находившегося на территории Маньчжурии. Хабаровск: Арх. отд. УМВД по Хабаровскому краю, 1950. 326 с.
18. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Библиографический словарь. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 384 с.
19. Чапыгин И.В. Казачья эмиграция в русской диаспоре Северо-Восточного Китая: 1920—1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2006. 184 с.
20. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).
21. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).